

Р А З С К А З Ы.

СЕРДЦЕ-ИЗОБЛИЧИТЕЛЬ

Да! я очень, очень нервень, страшно нервень; но почему *хотите* вы утверждать, что я сумасшедшій? Болѣзнь обострила мои чувства, отнюдь не ослабила ихъ, отнюдь не притупила. Прежде всего чувство слуха всегда отличалось у меня особенной остротой. Я слышалъ все, что дѣлалось на небѣ и на землѣ. Я слышалъ многое изъ того, что дѣлалось въ аду. Какой же я сумасшедшій? Слушайте! вы только слушайте и наблюдайте, какъ трезво и спокойно я могу все рассказать.

Невозможно опредѣлить, какимъ образомъ эта мысль первый разъ пришла мнѣ въ голову; но, разъ придя, она преслѣдовала меня и днемъ и ночью. Цѣли тутъ не было никакой. Страсти не было никакой. Я любилъ старика. Онъ никогда мнѣ не дѣлалъ зла. Онъ никогда меня не оскорблялъ. Денегъ его я не хотѣлъ. Я думаю, что во всемъ былъ виноватъ его глазъ! Да, именно такъ! Одинъ его глазъ былъ похожъ на глазъ ястреба — блѣдно-голубаго цвѣта съ бѣлымъ. Каждый разъ, когда онъ смотрѣлъ на меня этимъ глазомъ, кровь во мнѣ холодѣла, и вотъ мало-по-малу, постепенно, мной овладѣла мысль убить старика, и этимъ путемъ разъ навсегда освободиться отъ его глаза.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Вы забрали себѣ въ голову, что я сумасшедшій. Сумасшедшіе не знаютъ ничего. Но

вы бы только посмотрѣли на меня. Вы бы только посмотрѣли, какъ умно я все устроилъ—съ какой осторожностью—съ какой предусмотрительностью, съ какимъ притворствомъ, я прінялся за дѣло! Никогда я не былъ болѣе предупредителемъ къ старику, нежели въ теченіи цѣлой недѣли передъ тѣмъ, какъ я его убилъ. И каждую ночь, около полночи, я повертывалъ защелку его двери и открывалъ ее—о, какъ тихо! И потомъ, когда отверстіе было достаточно широко, чтобы пропустить мою голову, я протягивалъ туда потайной фонарь, совершенно закрытый, закрытый настолько, что ни луча оттуда не просвѣчивало, и тогда я просовывалъ въ дверь свою голову. Вотъ бы вы разсмѣялись, если бы увидѣли, съ какой ловкостью я ее просовывалъ! Я подвигалъ ее медленно, очень, очень медленно, чтобы не потревожить сонъ старика. Проходилъ цѣлый часъ, прежде чѣмъ я просовывалъ голову настолько, чтобы видѣть, какъ онъ лежитъ въ своей постели. А! Развѣ сумасшедшій могъ бы быть такъ благоразуменъ? И затѣмъ, когда голова моя была въ комнатѣ, я осторожно открывалъ фонарь—о, такъ осторожно—такъ осторожно (потому что пружина скрипѣла), я открывалъ его какъ разъ настолько, чтобы одинъ тонкій лучъ упалъ на ястребиный глазъ. И я дѣлалъ это цѣлыхъ семь долгихъ ночей, каждую ночь, ровно въ полночь, но глазъ всегда былъ закрытъ, и, такимъ образомъ, мнѣ было невозможно совершить дѣло, потому что не старикъ меня мучилъ, а его Дурной Глазъ. И каждое утро, когда наступалъ день, я спокойно входилъ въ его комнату и оживленно разговаривалъ съ нимъ, ласково называлъ его по имени, и спрашивалъ, какъ онъ провелъ ночь. Вы видите, старикъ долженъ былъ бы обладать очень большою проницательностью, чтобы подозрѣвать, что каждую ночь, ровно въ двѣнадцать часовъ, я смотрѣлъ на него, покуда онъ спалъ.

На восьмую ночь я опять пошелъ, и на этотъ разъ открывалъ дверь съ еще болѣею осторожностью, чѣмъ прежде.

Минутная стрѣлка на часахъ двигается быстро, чѣмъ дѣлалась тогда моя рука. Никогда до этой ночи не чувствовалъ я размѣровъ моихъ силъ, моей предусмотрительности. Я едва могъ сдерживать торжествующій восторгъ. Помню только, я тутъ потихоньку открываю дверь, а еще даже и не снятся мои тайныя дѣла и мысли. Когда это пришло мнѣ въ голову, я засмѣялся чуть внятнымъ, прерывистымъ смѣхомъ, и, быть-можетъ, онъ услыхалъ меня, потому что онъ внезапно повернулся на постели, какъ бы вздрогнувъ. Вы, пожалуй, подумаете, что я удалился — нѣтъ. Въ его комнатѣ не видно было ни зги (ставни были плотно заперты, онъ боялся воровъ), и я зналъ, что онъ не могъ видѣть открытой двери, и я все ее открывалъ, такъ спокойно, такъ спокойно.

Я уже просунулъ голову въ комнату, и готовился открыть фонарь, какъ вдругъ мой большой палецъ скользнулъ по жестяной задвижкѣ, и старикъ вскочилъ на постели, вскрикнувъ: „Кто тамъ?“

Я былъ неподвиженъ и не говорилъ ни слова. Въ продолженіи цѣлаго часа я не двинулся ни однимъ мускуломъ, и все время слышалъ, что онъ не ложился. Онъ все еще сидѣлъ на своей постели и слушалъ; совершенно такъ же, какъ ночь за ночью я слушалъ здѣсь тиканье стѣнного жучка-точильщика.

Но вотъ я услыхалъ слабый стонъ, и я зналъ, что это былъ стонъ смертельнаго страха. То не былъ стонъ муки или печали — о, нѣтъ! — то былъ тихій, заглушенный звукъ, который исходитъ изъ глубины души, когда она подавлена ужасомъ. Я хорошо зналъ этотъ звукъ. Много ночей, ровно въ полночь, когда весь міръ спалъ, онъ вырывался изъ моей груди, усиливая своимъ чудовищнымъ откликомъ ужасы, терзавшіе меня. Я говорю, я зналъ его хорошо. Я зналъ, что чувствовалъ старикъ, и мнѣ было его жалко, хотя въ сердцѣ моемъ дрожалъ судорожный смѣхъ. Я зналъ, что онъ не спалъ съ того самаго мгновенія,

когда легкій шумъ заставилъ его повернуться въ постели. Съ этого мгновенія страхъ все больше наползалъ на него. Онъ старался убѣдить себя, что опасенія напрасны, но не могъ. Онъ говорилъ себѣ: „Это ничего, это только вѣтеръ въ каминѣ, это только мышь пробѣжала по полу“, или: „Это только крикнулъ сверчокъ, онъ только разъ крикнулъ“. Да, онъ старался успокоить себя такими догадками; но видѣлъ, что все тщетно. *Все тщетно*, потому что Смерть, приближаясь къ нему, прошла передъ нимъ съ своею черной тѣнью, и окутала жертву. И это именно зловѣщее вліяніе незримой тѣни заставило его чувствовать, хотя онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, *чувствовать* присутствіе моей головы въ комнатѣ.

Я выждалъ очень терпѣливо значительный промежутокъ времени, но слыша, что старикъ не ложится, я рѣшилъ открыть въ фонарѣ маленькую щелку—очень, очень маленькую. Я сталъ ее открывать—вы представить себѣ не можете, до какой степени безшумно, безшумно—п, наконецъ, отдѣльный блѣдный лучъ, похожій на вытянутую паутинку, выдѣлился изъ щели и упалъ на ястребиный глазъ.

Онъ былъ открытъ, широко, широко открытъ, и я пришелъ въ ярость, увидѣвъ его. Я видѣлъ его совершенно явственно—это былъ тускло-голубой глазъ съ отвратительнымъ налетомъ, который заморозилъ кровь въ моихъ жилахъ, но я не видалъ ничего другого, ни чертъ его лица, ни его тѣла, потому что какъ бы по инстинкту я направилъ лучъ свѣта какъ разъ на проклятое пятно.

Ну, и что же, развѣ я вамъ не говорилъ, что то, что вы считаете сумасшествіемъ, есть лишь утонченность моихъ чувствъ? Я услышалъ тихій, глухой, быстрый звукъ, подобный тиканью карманныхъ часовъ, завернутыхъ въ вату. *Этотъ* звукъ я зналъ, отлично зналъ *и* его. Это билось сердце старика. Быстрый звукъ усилилъ мое бѣшенство, какъ звукъ барабаннаго боя усиливаетъ мужество солдата.

Но и тутъ я еще сдержался и продолжалъ стоять неподвижно. Я едва дышалъ. Фонарь застылъ въ моихъ рукахъ. Я пробовалъ, какъ упорно могу я устремлять лучъ свѣта на глазъ. А сердце все билось, эта дьявольская музыка все усиливалась. Съ каждымъ мигомъ звукъ дѣлался быстрѣе и быстрѣе, онъ дѣлался все громче и громче. *Надо думать*, что старикъ былъ испуганъ до послѣдней степени! Сердце билось все громче, говорю я, все громче съ каждымъ мигомъ!—Вы хорошо слѣдите за мной? Вѣдь я вамъ говорилъ, что я нервень: да, я нервень. И теперь, въ этотъ смертный часъ ночи, посреди мертвой тишины стариннаго дома, этотъ странный шумъ исполнилъ меня непобѣдимымъ ужасомъ. Однако, еще нѣсколько минутъ я сдерживалъ себя и стоялъ спокойно. Но сердце билось все громче, все громче! Я думалъ, что оно разорвется. И тутъ новая забота охватила меня—этотъ звукъ могли услышать сосѣди! Часъ старика пришелъ! Съ грокимъ воплемъ я раскрылъ фонарь и бросился въ комнату. Онъ крикнулъ—крикнулъ только разъ. Въ одно мгновеніе я сошвырнулъ его на полъ и сдернулъ на него тяжелую постель. И тутъ я весело улыбнулся, видя, что дѣло идетъ такъ успѣшно. Но нѣсколько минутъ сердце продолжало биться, издавая заглушенный звукъ. Этотъ звукъ, однако, больше не мучилъ меня; его нельзя было услышать черезъ стѣны. Наконецъ онъ прекратился. Старикъ былъ мертвъ. Я сдвинулъ постель и осмотрѣлъ тѣло. Да, онъ былъ совершенно, совершенно мертвъ. Я приложилъ руку къ его сердцу и держалъ ее такимъ образомъ нѣсколько минутъ. Пульса не было. Онъ былъ совершенно мертвъ. Его глазъ не будетъ больше меня тревожить.

Если вы еще продолжаете думать, что я сумасшедшій, вы разубѣдитесь, когда я опишу вамъ всѣ мѣры предосторожности, которыя я предпринялъ, чтобы скрыть трупъ. Ночь уходила, и я работалъ быстро, но молчаливо.

Я вынулъ три доски изъ пола комнаты и положилъ

трупъ между драицами. Потомъ я опять укрѣпилъ доски такъ хорошо, такъ аккуратно, что никакой человѣческій глазъ—даже и *его*—не могъ бы открыть здѣсь ничего подозрительнаго. Ничего не нужно было замыывать—ни одного пятна—ни одной капли крови. Я былъ слишкомъ предусмотрителенъ для этого.

Когда я все кончилъ, было четыре часа—на дворѣ было еще темно, какъ въ полночь. Въ ту самую минуту, когда били часы, съ улицы раздался стукъ въ наружную дверь. Съ легкимъ сердцемъ я пошелъ отворить ее,—чего мнѣ было бояться *теперь*? Вошли три человѣка и съ большой учтивостью представились мнѣ, называя себя полицейскими чиновниками. Одинъ изъ сосѣдей слышалъ ночью крикъ; возникло подозрѣнiе, не случилось-ли какого злого дѣла; полиція была объ этомъ извѣщена, и вотъ они (полицейскіе чиновники) были отправлены произвести обыскъ.

Я улыбался — *чего* мнѣ было бояться? Я попросилъ джентльменовъ пожаловать въ комнаты. Закричалъ это я самъ, сказалъ я, закричалъ во снѣ. А старика, сообщилъ я, нѣтъ дома, онъ на время уѣхалъ изъ города. Я провелъ посѣтителей по всему дому. Я просилъ ихъ обыскать все—обыскать *хорошенько*. Я провелъ ихъ, наконецъ, въ *его* комнату. Я показалъ имъ все *его* драгоценности, они были цѣлы, и лежали въ своемъ обычномъ порядкѣ. Охваченный энтузіазмомъ своей увѣренности, я принесъ стулья въ эту комнату и пожелалъ, чтобы именно *здѣсь* они отдохнули отъ своихъ поисковъ, между тѣмъ какъ я самъ, въ дикой смѣлости полнаго торжества, поставилъ свой собственный стулъ какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, подъ которымъ покоилось тѣло жертвы.

Полицейскіе чиновники были удовлетворены. Мои *манеры* убѣдили ихъ. Я чувствовалъ себя необыкновенно хорошо. Они сидѣли, и между тѣмъ какъ я весело отвѣчалъ, болтали о томъ-о-семъ. Но прошло немного времени,

я почувствовалъ, что блѣднѣю, и искренно пожелалъ, чтобы они поскорѣ ушли. У меня заболѣла голова, и мнѣ показалось, что въ ушахъ моихъ раздался звонъ; но они все еще продолжали сидѣть, все продолжали болтать. Звонъ сталъ дѣлаться явственнѣе — онъ продолжался и дѣлался все болѣе явственнымъ: я началъ говорить съ усиленной развязностью, чтобы отдѣлаться отъ этого чувства, но звонъ продолжался съ неуклоннымъ упорствомъ — онъ возросталъ и, наконецъ, я понялъ, что шумъ былъ не въ моихъ ушахъ.

Не было сомнѣнія, что я *очень* поблѣднѣлъ; но я говорилъ все болѣе бѣгло, я все болѣе повышалъ голосъ. Звукъ возросталъ — что мнѣ было дѣлать? Это былъ *тихий, глухой, быстрый звукъ* — *очень похожій на тиканье карманныхъ часовъ, завернутыхъ въ вату*. Я задыхался — но полицейскіе чиновники не слышали его. Я продолжалъ говорить все быстрѣе — все болѣе порывисто; но шумъ упорно возросталъ. Я вскочилъ и сталъ разглагольствовать о разныхъ пустякахъ, громко и съ рѣзкими жестикуляціями; но шумъ упорно возросталъ. Почему они *не хотѣли* уходить? Тяжелыми, большими шагами я сталъ расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ бы возбужденный до бѣшенства наблюденіями этихъ людей — но шумъ упорно возросталъ. О, Боже! *что* мнѣ было дѣлать? Я кипятился — я приходилъ въ неистовство — я клялся! Я дергалъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, и царапалъ имъ по доскамъ, но шумъ поднимался надо всѣмъ и непрерывно возросталъ. Онъ становился все громче — громче — *громче!* А они все сидѣли и болтали и улыбались. Неужели они не слышали? Боже всемогущій! — нѣтъ, нѣтъ! Они слышали! — они подозрѣвали! — они *знали!* — они насмѣхались надъ моимъ ужасомъ! — я подумалъ это тогда, я такъ думаю и теперь. Но что бы ни случилось, все лучше, чѣмъ эта агонія! Я все могъ вынести, только не эту насмѣшку! Я не могъ больше видѣть эти лицедѣрныя улыбки, чувствовалъ, что я долженъ

закричать или умереть!—и вотъ—опять!—слышите!—громче! громче! громче! *громче!*

„Негодяи!“ закричалъ я, „не притворяйтесь больше! Я сознаюсь въ убійствѣ!— сорвите эти доски!— вотъ здѣсь, здѣсь!—вы слышите, это бьется его проклятое сердце!“
